

Кл

78
108

№ 43

арб

СЕЛО КОССИНО.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

К. С. АКСАКОВА.

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Первое издание Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ и низшихъ училищъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ ученич. библіотеки духовныхъ Семинарій, мужскихъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, въ качествѣ книгъ для вѣкласнаго чтенія (во второмъ изданіи).

МОСКВА.

Складъ въ магазинѣ „Сотрудникъ Школъ“ А. К. Залѣвской.
1896.

2002133911

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АВТОГРАФ Д. Л.

Дозволено цензурою. Москва. 17 Октября 1895 г.
Типогр. А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Воейковой.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

6609-03

СЕЛО КОССИНО.

“И старый клич я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва“!

К. Аксаковъ.

Кто совершалъ путешествіе лѣтомъ передъ жатвой, тотъ помнитъ, вѣроятно, толпы поселянъ, идущихъ мѣрнымъ, неторопливымъ шагомъ по большимъ дорогамъ. Сумка съ хлѣбомъ и костыль,—вотъ всѣ ихъ дорожные запасы. Идутъ они иногда до отдаленнаго Кіева, но чаще всего идутъ поклониться Московскимъ угодникамъ, Троице-Сергіевой Лавры, или *Коссинской* Божіей Матери. Подъ другимъ именемъ не знаетъ ее народъ, но икона, которой онъ приноситъ такія теплыя моленья, была написана подъ южнымъ небомъ, и ей молились когда-то на чуждомъ намъ языкѣ. Извѣстно по преданью, что одинъ изъ нашихъ вельможъ*) привезъ ее изъ Мо-

*) Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ.

дены, и вотъ уже полтора столѣтїя, какъ стоитъ она въ Коссинѣ, посвященномъ издревле, вѣрова- нїями народа, Пречистой Дѣвѣ.

Славное мѣсто Коссино**). Чудный въ немъ лѣсъ и три озера: одно называется Чернымъ, другое Бѣлымъ, третье Святымъ озеромъ. Сказываютъ, что давно, давно, стояла тутъ церковь во имя Пречистой Дѣвы Марїи, что разъ во время литургїи, лишь зацѣли Херувимскую пѣсню, стала вдругъ опускаться церковь въ землю, выступила изъ земли вода, всю ее залила, и образовала озеро, которое называется теперь святымъ. Коссинцы говорятъ, что если наклонишься надъ волнами, когда тихо на дворѣ и озеро спокойно, то слышишь, какъ раздается внизу церковное пѣніе, и Коссино прослыло въ народѣ мѣстомъ святымъ, мѣстомъ возлюбленнымъ Дѣвой Марїей. Долго не видали въ немъ храма, но знали, что не умолкаетъ молитва подъ волнами, и что та молитва угодна Богу.

Наконецъ была воздвигнута въ Коссинѣ маленькая деревянная церковь, которая уцѣлѣла до сихъ поръ въ своемъ первобытномъ видѣ. Чѣмъ усердіемъ она построена, — неизвѣстно, но была она посвящена не Божїей Матери. На наружной ея стѣнѣ

***) Коссино въ 13-ти верстахъ отъ Москвы, въ сторонѣ отъ Нижегородской желѣзной дороги, около Кускова.

и на деревянномъ напрестольномъ крестѣ читають слѣдующую надпись.

„Освятися храмъ Господа Бога и „Спаса нашего Иисуса Христа, во имя святителя Христова и Чудотворца Николая въ лѣто отъ созданія міра 7180, отъ воплощенія Божія Слова въ 1672 при Благовѣрномъ Великомъ Государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ, и при Великомъ Государѣ святѣйшемъ Іосафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи.

Храмъ былъ освященъ во имя Чудотворца Николая, но въ народныхъ вѣрованіяхъ Коссино осталось попрежнему подъ особымъ покровительствомъ Божіей Матери.

Когда Императоръ Петръ задумалъ о построеніи флота, кто-то подаль ему мысль взглянуть на Коссинскія озера. Онъ пріѣхалъ въ Коссино, и приказалъ ихъ измѣрить, но вода оказалась слишкомъ мелка для судоходства. Однако онъ не забылъ о своей поѣздкѣ: мѣсто ли ему полюбилось, или онъ хотѣлъ заявить о своемъ уваженіи къ народнымъ вѣрованіямъ, но дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ своего посѣщенія онъ прислалъ въ Коссино икону Божіей Матери, привезенную изъ Модены. Ее приняли коссинцы какъ давно ожидаемую святыню, укра

силы богатой ризой, и много лѣтъ стояла она въ церквѣ, освященной при патріархѣ Іосафѣ. Но въ 1817 году были выстроены въ Коссинѣ двѣ другія, каменные церкви. Одна посвящена опять Чудотворцу Николаю, а другая въ память Успенія Божіей Матери. Въ этой церкви стоитъ теперь Моденская икона.

Она привлекаетъ каждое лѣто многочисленныхъ богомольцевъ, и рассказываютъ, что много совершилось отъ нея чудесъ. Съ нея былъ снятъ списокъ, для котораго построена часовня на святомъ озерѣ, и, какъ будто въ воспоминаніе полуденныхъ странъ, даровавшихъ намъ икону, учреждень еіѣ праздникъ въ жаркій лѣтній день*). Тутъ стекаются къ ней на поклоненіе толпы болящихъ и слепыхъ: они купаются въ озерѣ, бросаютъ въ него деньги, и оставляютъ въ немъ бѣлье, съ которымъ сбрасываютъ съ себя недуги. Духовенство при звукѣ клирнаго пѣнья обходитъ святое озеро съ иконами и хоругвями, и въ отвѣтъ на божественные гимны раздаются изъ глубины волнъ другіе голоса. Хотите, православные, расскажу я вамъ, кто тамъ вѣчно молится за васъ да за родимую Москву?

Стояла надъ Русью черная туча: враждовали между

*) Въ первое воскресенье послѣ Вознесенья.

собою удѣльные князья. Забыли они кровныя связи, забыли древнюю правду и одно лишь было имъ дорого: корысть да чужое добро. Шелъ свой на своего, и начались въ народѣ грабежи да бунты. Много лилось невинной крови, много терпѣла Русь горемычная. Посылалъ ей Господь въ наказаніе пожары и голодъ и язвы моровыя и разныя знаменія на небесахъ, а народъ не опомнился, все оставался въ своихъ грѣхахъ и раздорахъ. А знала когда-то Русь свѣтлые дни! Рассказывали старики о великомъ Ярославѣ, помнили они и Владиміра, помнили, какъ окрестилъ онъ народъ въ вѣру Христіанскую, какъ угощалъ Владиміръ-солнце своихъ бояръ, какими богатыми милостынями одѣлялъ онъ бѣдныхъ. Мудрый былъ государь Владиміръ, отецъ горькихъ и сиротъ. Онъ строилъ храмы, строилъ и училища. Благословилъ при немъ Господь народъ новозбранный, и весело было жить въ его время. Пиры давалъ онъ богатые, и какіе сказочники, какіе гуслиры при немъ бывали! какія чудныя слагались пѣсни! А гдѣ поется пѣсня, тамъ и воля, и холя, и доля. Славились красныя дѣвушки красотой, а молодые парни силой, и такіе были богатыри, про которыхъ теперь лишь въ сказкахъ рассказываютъ. „А нынче, говорили старые люди, прогнѣвали мы Господа: не видать уже намъ другого Владиміра, не видать Ярослава.“

Жилъ въ то время статный молодець, по имени Букаль. Нигдѣ не свилъ онъ себѣ гнѣзда, а переходилъ изъ рати въ рать, наживалъ себѣ добычи отъ княжескихъ ссоръ, и грабилъ, что только подѣ руку попадалось. Такъ провелъ онъ всю буйную молодость, да и подѣ старость отъ грѣховнаго дѣла не отказался. Уже пробивалась сѣдина въ его волосахъ, когда пошелъ онъ опять въ походъ съ княземъ. Шли полки степями необозримыми да топкими болотами, и приключился недугъ Букалу, съ усталю что-ли, съ чего ли другого, чувствуетъ онъ, что голова у него словно въ огнѣ горитъ и еле сидитъ онъ на конѣ. Вдругъ видитъ, что отсталъ отъ дружины, хотѣлъ лошадь ударить, да не смогъ и свалился съ сѣдла. Помчалась лошадь вслѣдъ за полками, а онъ, какъ упалъ на землю, такъ и пролежалъ замертво, Богъ вѣсть сколько времени, а какъ опомнился, видитъ чернѣетъ передъ нимъ лѣсъ глухой, да ходитъ вѣтеръ по лѣсу, и ночь уже наступаетъ. Пришлось, знать, умирать ему голодной смертію, либо звѣри дикіе его разорвутъ, и страшно ему стало. Долго забывалъ онъ Бога и жилъ неправедно, а тутъ вспомнилъ всѣ свои прегрѣшенія и началъ молиться, чтобы Господь его помиловалъ и принялъ бы духъ его съ миромъ.

Какъ совсѣмъ стемнѣло, видитъ онъ, мелькнулъ

Dr. A. C. B. B. B. B. B.

37

вдали огонекъ. Забилось у него сердце въ груди, да не хватило силъ на ноги встать, и поползъ онъ на четверенькахъ къ огоньку. Вотъ стоитъ избушка: онъ постучался въ дверь и молить:

„Христа ради“!

Отворилъ ему кто-то и молвилъ сладкимъ голосомъ:

„Благослови тебя Господь нынѣ и присно и во вѣки“.

Взглянулъ Букаль и видитъ старца съ кроткимъ взоромъ, и говоритъ ему тотъ старецъ:

„Войди, мой сынъ, коли ты голоденъ, я накормлю тебя; коли ты страдаешь, я упокою тѣбя“.

И пріютилъ онъ его. Долго былъ боленъ Букаль, и ходилъ за нимъ старецъ день и ночь, своихъ силъ не жалѣя. Сталъ больной оправляться и спрашиваетъ его:

„Какъ прозывается это мѣсто“?

„Прозывается оно Коссинымъ“, отвѣчаетъ ему старецъ.

„А ты, добрый человѣкъ, кто такой“? спрашиваетъ опять Букаль, „хочу я знать, кто меня спасъ отъ смерти, и за кого мнѣ Бога молить“.

Отвѣчаетъ ему старецъ: „Пришли плохія времена: благословилъ Богъ нашихъ отцовъ, сподобилъ ихъ принять христіанскую вѣру, послалъ имъ благочестиваго князя, и жили они въ радости, да

восхваляли Его Святое имя. А нынѣ прогнѣвали мы Господа, и тяжело страдаетъ земля наша въ грѣхѣ и въ беззаконіи: идетъ братъ на брата, дядя на племянника, и свой своему сталъ врагъ. Былъ я въ городѣ священникомъ, да разорили тотъ городъ, гдѣ служилъ я передъ престоломъ Божиимъ, и разорили его не чужіе народы, а все свои кровные. Бѣжалъ я изъ родимаго пепелища, долго скитался и не находилъ мѣста, куда бы голову преклонить: вездѣ раздоры, вездѣ войны да грабежи. Зашелъ я въ эти мѣста, да мѣста пустынные, мѣста безлюдныя, а гдѣ стоитъ поселокъ, тамъ гонять Христово имя: не позналъ его народъ, поклоняется, какъ и встарь, своимъ идоламъ. Некому крестить водой и духомъ, какъ Владиміръ крестилъ въ Кіевѣ нашихъ отцовъ. Устроилъ я здѣсь, въ моей избѣ, маленькую церковь во имя Пресвятой Богородицы, всю утварь сдѣлалъ собственными руками, и освятилъ ее тайкомъ отъ невѣрныхъ. Благословляю я Господа, когда пошлетъ онъ христіанина подъ мой убогій кровъ, да приведетъ меня помолиться съ нимъ, да вмѣстѣ поскорбѣтъ о бѣдствіяхъ народа.

„А гдѣ твоя церковь“? спросилъ Букаль.

Священникъ всталъ и отодвинулъ засовъ низенькой дубовой двери, и они вошли. На двухъ попе-

речныхъ саженьхъ стояла церковь: иконостасъ былъ деревянный, съ рѣзными образами, занавѣсъ изъ толстаго полотна, а на престолѣ лежалъ крестъ, и на жертвенникѣ стоялъ сосудъ, также вырѣзанные изъ дерева. Все было бѣдно, да все угодно Богу. Стали на колѣна священникъ и Букалъ и молились со слезами и умиленіемъ. Потомъ говоритъ Букалъ:

„Прими мою исповѣдь, святой отецъ: жилъ я долго въ беззаконіи и въ грѣхѣхъ, ходилъ войной на своихъ и наживался грабежомъ. Забылъ я Господа, да Господь меня вспомнилъ: послалъ онъ мнѣ часъ покаянія, и даю я Пресвятой Богородицѣ обѣтъ удалиться въ пустыню и молить о прощеніи моего окаянства и грѣховъ родины, чтобъ не погубилъ правды народъ, чтобъ самъ не погибъ, что былинка въ полѣ. Благослови-жь меня, честный отецъ, и отслужи молебень Царицѣ небесной, чтобъ приняла Она мой обѣтъ“.

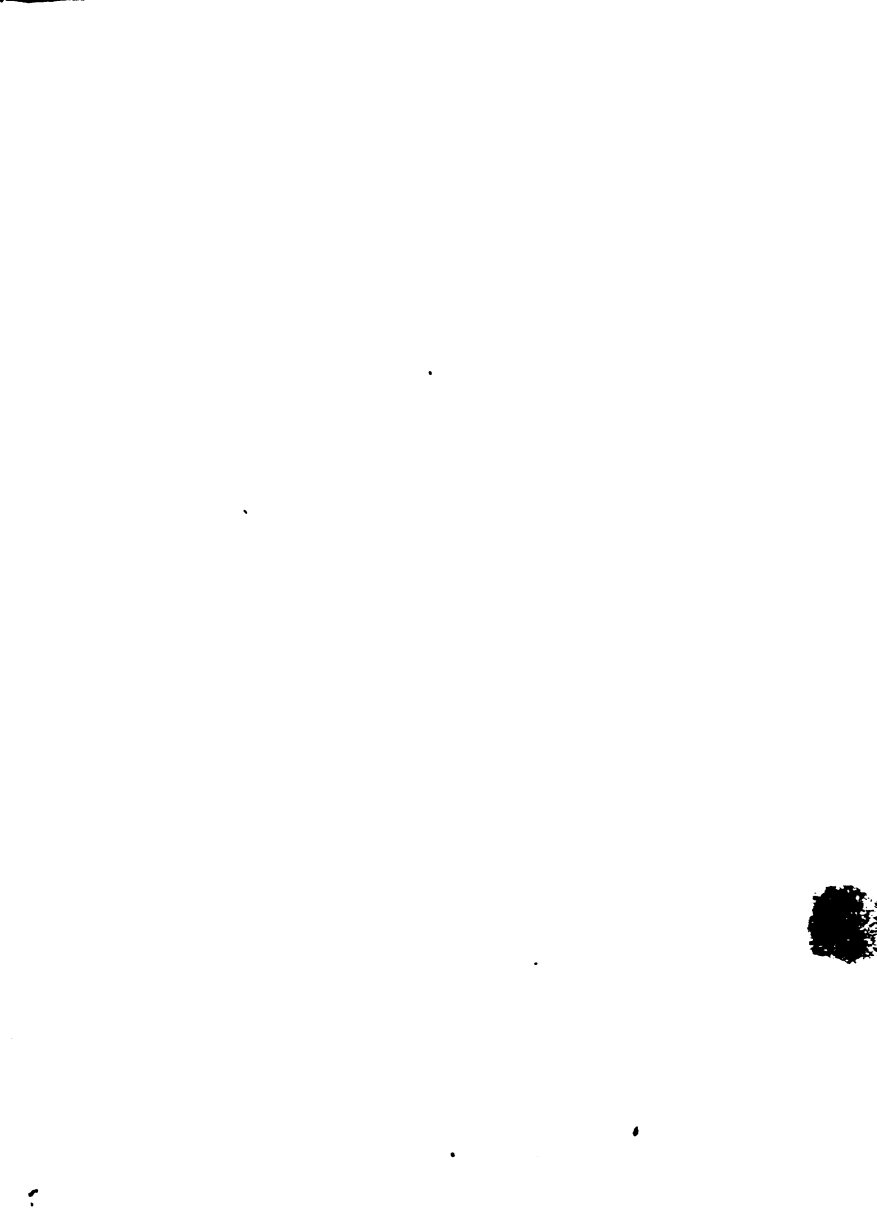
Благословилъ его священникъ, облачился въ бѣдную ризу, и отслужилъ молебень Пречистой Дѣвѣ, а на другой же день принялся Букалъ строить себѣ хижину недалеко отъ Коссина въ дремучемъ лѣсу, на самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Москва*).

*) По преданію, основанному, впрочемъ, на баснѣ, тамъ, гдѣ стоитъ теперь церковь „Спаса на Бору“, жилъ будто бы, до основанія Москвы, пустыльникъ по имени Букалъ. Онъ былъ жизни благочестивой, имѣлъ даръ предвѣденія, и предсказывалъ будущую судьбу столицы.

Поселился онъ въ своей хижинѣ, сталъ жить въ постѣ и молитвѣ, завелъ небольшой огородъ и питался его овощами. Дикихъ звѣрей онъ не боялся, потому что уповалъ на Бога; съ людьми не водился. Лишь по воскреснымъ днямъ хаживалъ онъ въ Коссино: служилъ священникъ обѣдню, а онъ прислуживалъ вмѣсто причетника. Потомъ бесѣдовали они, разбирали писанія, читали каноны святымъ угодникамъ, либо скорбѣли о бѣдствіяхъ народа. Знали они, что безъ вѣры Господь не помилуетъ, что безъ правды Господь не спасетъ, и все-то казалось имъ, что приходитъ Русь въ упадокъ, что не долго будетъ Богъ терпѣть ея беззаконія, а пошлетъ ей страшную кару.

Много лѣтъ прожилъ Букаль среди лѣса дремучаго. Спустилась до колѣнъ его борода и посѣдѣли волосы отъ прожитыхъ годовъ да отъ скорби душевной. Часто проводилъ онъ цѣлыя ночи въ молитвѣ, выплакивалъ передъ Богомъ прощеніе своимъ и чужимъ грѣхамъ, благословеніе странъ родной, и умолялъ Его смягчить сердца народа и князей; либо сидѣлъ онъ у берега рѣки, что протекала около его хижины, и думалъ свою грустную думу, а самъ смотрѣлъ при мѣсячномъ свѣтѣ, какъ катятся волны, да, когда вѣтеръ гулялъ по лѣсу, прислушивался къ шуму деревьевъ. Качались они надъ

его головой и словно перешептывались другъ съ другомъ, и мнилось иной разъ старцу, что они повѣдывали ему какую-нибудь чудную быль, либо предвѣщали людямъ гнѣвъ Господень.

Разъ, въ знойный лѣтній вечеръ, въ тотъ часъ когда румяное солнце склонялось уже за лѣсъ, и все стихало въ лѣсу, стоялъ на колѣняхъ пустыльникъ у пня вѣкового дуба, пораженнаго грозой, и молился. Онъ молился за родину, и все думалось ему: не устоитъ святой Кіевъ, погубять его раздоры да войны,—а не станетъ Кіева, какой же городъ благословить Господь быть славой земли Русской? Или погибнетъ и сама Русь? и замирало въ тоскѣ его сердце. Долго стоялъ онъ на молитвѣ передъ Дѣвой Маріей, принявшей его обѣтъ, и одолѣла его дремота. Заснулъ старикъ, и чудный видѣлся ему сонъ. Снилось ему, что бродить онъ по лѣсу и вдругъ спустился ангелъ съ неба. Золотая звѣзда сіяла надъ его кудрями, и бѣлыя его крылья еще дрожали отъ быстроты полета, когда онъ коснулся земли и молвилъ пустыннику:

„Услыхала Пречистая Дѣва твой моленья, старецъ, и прислала меня утѣшить тебя въ твоей скорби. Не даромъ тоскуетъ твоя душа по святомъ Кіевѣ: будетъ онъ сожженъ и разграбленъ; возвысятся и падутъ и другіе еще города, но умолилъ

ты надолго за грѣхи народа, и возлюбила Марія то мѣсто, что освятилъ ты своею молитвой. Будеть здѣсь стоять дивный городъ, на семи холмахъ, и благословить его Господь быть главой городовъ Русскихъ: взгляни“.

И передъ старцемъ, вмѣсто темнаго лѣса возвышается городъ, кокого онъ и во снѣ не видывалъ. Что передъ нимъ и Кіевъ, и самый Царьградъ, о которомъ слыхалъ онъ столько чудесъ! Въ пѣсни не споешь и въ сказкѣ не расскажешь о его красѣ. Сіяетъ онъ бѣлизной и золотомъ, что невѣста въ брачной одеждѣ. Со всѣхъ сторонъ горятъ кресты да золотыя шапки церквей, и звучно гудятъ колокола. Замолкли птички вокругъ и выглянули рыбки изъ рѣки, чтобъ полюбоваться дивнымъ городомъ. Раскалилось сердце старца, паль онъ ницъ и зарыдалъ.

„Повѣдай мнѣ, говоритъ онъ, святой ангелъ, какъ имя того бѣлокаменнаго города.“

„Имя его Москва, говоритъ ангелъ, отъ рѣки, что поила тебя своею студеною струей. Будеть народъ называть его своимъ родимымъ городомъ, и домомъ Пресвятой Богородицы. Онъ смиритъ вражды междоусобныя, и вся Русь, отъ края до края, возлюбитъ и благословить его, и не даромъ: не въ вѣчной радости будеть онъ ликовать, а увидить много

бѣдствій и приметъ много горя за страну родную. Не разъ будетъ онъ горѣть за святую Русь, не разъ потерпитъ за нее плѣнъ и униженіе, не разъ ульетъ землю своими слезами и кровью. Прогремитъ Господень громъ, и застонетъ Русь. Придетъ невѣрное племя съ мечомъ и огнемъ и поработитъ ее: не пощадитъ оно ни народа, ни князей, ограбитъ Москву златоглавую и осквернитъ ея храмы: взгляни“.

И видитъ Букаль, кипитъ городъ, что въ аду: вездѣ крикъ и стонъ, вездѣ пожаръ и смерть. Рассыпались толпами по улицамъ уроженцы невѣрнаго востока. Надвинута баранья шапка на бритые волосы. Никогда не блестяла слеза милосердія въ узкихъ, лживыхъ, поднятыхъ къ вискамъ глазахъ, никогда не смягчалось выраженіе смуглыхъ скулистыхъ лицъ. Рубитъ суровое племя старцевъ, женъ и дѣтей; спасается народъ въ храмы Божіи, но и въ храмахъ нѣтъ ему убѣжища: врываются за нимъ убійцы, и упизаются христіанской кровью. Ограблены алтари, ограблены святые иконы. Ругаются враги надъ мертвыми, а живыхъ забираютъ въ плѣнъ.—и дрогнула земля отъ жалости*).

Замерло сердце старика, и говоритъ онъ: „святый

*) Нашествіе Тохтамыша на Москву, 26 августа 1382 года.

ангелъ, неужели погибнетъ дивный городъ? Неужели нѣтъ у него богомольца и никто не отвратитъ отъ него гнѣва Господня?“

„Да успокоится душа твоя, отвѣчаетъ ему ангелъ, многіе голоса будутъ молить за юный городъ и за народъ православный, и угоднѣй всѣхъ передъ Богомъ молитва инока... Отдастъ онъ Господу свою молодость, отдастъ ему и благочестивую старость. Оснуетъ онъ около Москвы обитель во имя святой Троицы, и услышитъ отъ Пречистой Дѣвы обѣтъ, что будетъ она хранить ту обитель подъ своимъ покровомъ *). Пройдутъ вѣка, а не забудетъ о немъ Русь, и въ храмъ, воздвигнутый надъ его останками, будутъ издалека приходитъ на поклоненіе и царь и рабъ. Сильна его молитва передъ Богомъ“.

И спросилъ опять Букаль: „А когда ради его избавитъ Богъ народъ православный отъ племени невѣрнаго, какая доля выпадетъ Москвѣ? какую пошлетъ ей Господь еще кручину? врага-ли новаго, добрыхъ ли князей?“

Отвѣчаетъ ангелъ: „Не вѣчно дробить Русь князь-ямъ: будетъ въ ней властвовать единый лишь царь,

**) Сергію Радонежскому, во время его молитвы, было видѣніе: Божія Матерь явилась ему и обѣщала свое покровительство его обители. Въ память этого событія устроена въ Лаврѣ часовня при самомъ Троицкомъ Соборѣ.

да пошлетъ ей Богъ царя немилостиваго, царя грознаго. Много страха увидитъ при немъ Русь, много горя приметъ отъ него Москва, горемычная: усѣтъ онъ площади тѣлами вѣрныхъ ея сыновъ, и воздвигнетъ она церкви на ихъ костяхъ *): взгляни.“

И видитъ пустынникъ большую площадь: приближается къ ней на лихомъ конѣ царь во главѣ своихъ князей и боярь. Даетъ онъ, знать, пиръ народу, что нарядился въ золото да въ самоцвѣтные камни, и все готово для пира: на площади стоятъ висѣлицы, горять костры, и палачи въ красныхъ рубахахъ и съ засученными рукавами собираются потѣшить на славу батюшку-царя. За князьями и боярами идутъ толпой обреченныя жертвы, едва передвигая ноги, истерзанныя, изнуренныя пыткой, блѣдныя, что мертвецы покинувшіе могилу. Ихъ окружили мучители: полилась кровь рѣкой и захрустѣли кости. Бросаютъ въ костры старцевъ, женъ и юношей; качаются на висѣлицахъ изувѣченныя тѣла.

Смотритъ царь, да радуется; смотритъ народъ, да плачется **).

*) Въ память казненныхъ Иоанномъ Грознымъ на Красной площади, были воздвигнуты въ Кремлевскомъ рву церкви „на крови и костяхъ“.

**) Приготовленія казни, по разсказу Карамзина, до такой степени напугали москвичей, что всѣ разбѣжались: купцы покинули свои лавки. Иоаннъ приказалъ опричникамъ согнать народъ на площадь. Казнь совершилась 25 іюля 1570 года, и продолжалась четыре часа. На площади осталось около двухъ-сотъ тѣлъ.

Объявляя ужасъ Букала, и закрывъ онъ глаза, чтобъ не видать такого горя.

„Страшно мнѣ, говоритъ онъ, ангель мира. Неужели нѣтъ у народа богомольца, который упросилъ бы Бога смягчить сердце царя, или послать Руси царя милостиваго?“

„Есть богомольцы, отвѣчаетъ ангель, есть, въ особенности одинъ... ходитъ онъ по городу въ нищенскомъ рубищѣ. Господь его отецъ, и народъ его кормилецъ; живетъ онъ молитвой да мірскимъ подаяніемъ. Обижаютъ его малыя дѣти, и зовутъ его всѣ юродивымъ, но великъ онъ будетъ въ царствіи Ножіемъ, и на той самой площади, гдѣ погибнетъ столько жертвъ, будетъ посвященъ его имени чудный девятиглавый храмъ *).“

„Но если молитвой блаженнаго, спрашиваетъ опять Букаль, Господь пошлетъ народу царя милостиваго, какія же новыя бѣдствія ожидаютъ еще Москву?“

Отвѣчаетъ ему ангель: „придетъ на нее иноземная сила, поработитъ Москву вѣнчанную, отыметъ у нея царя избраннаго народомъ и присягнетъ она царю иноземному. Не сыны земли Русской, а пришельцы будутъ владыками на Москвѣ: взгляни“.

И видитъ Букаль: возвышаются среди обширнаго

*) Храмъ Василія Блаженнаго на Красной площади.

поля, у подножія самаго города два великолѣпныхъ шатра. Воздвигнуты въ нихъ алтари, а на алтаряхъ лежатъ Святое Евангеліе и золотой крестъ. Тѣснитъ на полѣ густыми толпами народъ. Онъ внемлетъ непривычнымъ ухомъ рѣчамъ, раздающимся со всѣхъ сторонъ на чуждомъ ему языкѣ и смотритъ съ недоумѣніемъ на высокую желтую обувь, на богатые кунтуши, на бѣлые султанчики бархатныхъ шапокъ, на ухорскп вздернутый усъ красивыхъ лицъ, мелькающихъ въ его рядахъ. Вокругъ алтарей сіяютъ иконы и хоругви, и собралось духовенство. Впереди всѣхъ стоитъ въ святительскомъ облаченіи и съ посохомъ въ рукѣ старецъ. На сѣдой его головѣ горитъ алмазами, подъ лучами лѣтнаго солнца, патріаршая митра. Блеститъ слеза въ его тоскующемъ взорѣ и блѣдно его лицо. Онъ приводитъ народъ къ присягѣ, къ присягѣ царю иноземному, въ виду родного кремля, въ виду православныхъ храмовъ, почивающихъ въ нихъ святителей и родительскихъ могилъ, и вездѣ развѣвается незнакомое знамя чуждаго бѣлаго орла *).

Заплакалъ старецъ: „Благій ангелъ, говоритъ онъ, неужели Богъ не спасетъ Руси отъ племени ино-

*) 17 августа 1610 года присягали королевичу Владиславу на Девичьемъ полѣ.

земнаго? Неужели будетъ Москва рабыней? неужели нѣтъ у нея богомольца передъ Господомъ?“

„Есть богомолецъ, отвѣчаетъ ангелъ,—тотъ святи- тель, что стоитъ у алтаря. Вѣдаетъ единый Богъ, какъ полно его сердце скорби и молитвы. Онъ вождь народа и мученикъ за вѣру и родину. По- падетъ онъ въ плѣнъ къ врагамъ и измѣнникамъ, погибнетъ невольникомъ въ темницѣ и будетъ, умира- яя, молить о спасеніи Руси *).“

„Ангелъ свѣта, спрашиваетъ опять Букаль, если дойдетъ до Бога молитва праведника, увидитъ ли Москва конецъ своимъ страданіямъ?“

„Не кара Божія навлечетъ на нее новыя стра- данія, отвѣчаетъ Ангелъ, а самъ народъ обезсла- вить ее невинной кровью. Много жертвъ падетъ подъ его топоромъ, падетъ и маститый старецъ, хо- датай передъ царемъ за неимущихъ и сирыхъ. Вы- зовется народъ соорудить ему палаты изъ камней, снятыхъ съ отцовскихъ могилъ **), но пройдутъ годы и будетъ народъ его палачомъ: взгляни“.

*) Патріархъ Гермогенъ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ скончался.

***) Всѣ удивлялись, что Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, когда онъ былъ уже начальникомъ посольскаго приказа и принималъ иностранныхъ посланниковъ, жилъ въ небольшомъ, только что не бѣдномъ домѣ (въ приходѣ Николы на Столпахъ, гдѣ похоронено все семейство Матвѣ- евыхъ). Царь Алексѣй Михайловичъ часто подшучивалъ надъ скромными привычками своего любимца, и его замѣчанія на этотъ счетъ распро- странялись по городу, и дошли до стрѣльцовъ и до народа. Простолу-

И видитъ Букалъ. сбѣжались мятежныя толпы народа къ царскимъ палатамъ. Стоитъ на площадкѣ крыльца юноша въ богатомъ парядѣ. Изъ-подъ шапки, надвинутой на брови, выглядываетъ болѣзненное лицо и безжизненный взоръ. Рядомъ, съ нимъ молодая, красивая царица робко прижимаетъ къ себѣ ребенка, котораго показываетъ взволнованной толпѣ. Еще не скоро усть пробьется надъ его губой, слаба еще его рука, но въ повелительномъ поворотѣ головы, въ смѣломъ очертаніи алыхъ губъ, въ бойкомъ взглядѣ синихъ глазъ, устремленныхъ на непокорную чернь, высказывается непреклонная воля будущаго владыки. Стоитъ тутъ и старецъ: онъ обращаетъ къ народу кроткій взоръ и кроткую рѣчь, и народъ утихаетъ мгновенно передъ его словомъ. Но вдругъ появилось другое лицо, лицо искаженное гнѣвомъ, и заговорилъ жестокой и угрожающей голосъ. При его звукѣ заколыхалась опять раздраженная толпа, въ ея рядахъ поднялись бердыши. Сотни мятежниковъ ринулись на лѣстницу царскаго чертога, схватили оскорбившаго ихъ смѣльчака и бросили его на копыя, сверкающія внизу.

дины и стрѣльцы любили Матвѣева, который оказывалъ имъ, гдѣ только могъ, дѣйтельное покровительство. Многіе явились къ нему. „Если не хватаетъ твоей казны на постройку хоромъ, говорили они, мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братьевъ и навеземъ тебѣ каменьевъ“. Онъ отказался, разумѣется, отъ предложенія, и выстроилъ домъ на свои доходы.

И опьянѣла чернь отъ пролитой крови, и ищетъ новой поживы... Зловѣщій гулъ раздается въ толпѣ... Царица обняла дрожащими руками стоящаго около нея старца, но онъ вырванъ изъ ея объятій, свергнутъ съ высокаго крыльца, онъ замученъ, растерзанъ на ея глазахъ. Потомъ пала еще и еще жертва, и горячими потоками заструилась кровь по площади *).

Обтеръ пустынный холодный потъ съ поблѣднѣвшаго лица: „Бѣлокрылый ангель, спросилъ онъ скорбнымъ голосомъ, чья молитва дойдетъ до Бога?

*) Приверженцы царевны Софїи распространили въ народѣ слухъ, что Парышкины удушили Царевича Іоанна. 15 мая 1682 года стрѣльцы и присоединившаяся къ нимъ чернь, при звукѣ пабатныхъ колоколовъ и барабаннаго боя, явились въ Кремль, крича, что отомстятъ за смерть Царевича. Паталя Кирилловна, по совѣту Матвѣева, который находился во дворцѣ, вывела на Красное крыльцо девятилѣтняго Петра и Іоанна, которому было шестнадцать лѣтъ. Всѣ убѣдились, что Царевичъ живъ, но руководители мятежной толпы не хотѣли отказаться отъ удобнаго случая покончить съ ненавистными врагами, и кричали, что надо истребить педоброхотовъ Іоанна, которые не успѣли его извести, но изведутъ. Толпа колебалась; тогда Матвѣевъ спустился на площадку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ не вѣрять лживымъ толкамъ, и расходиться по домамъ. Онъ былъ весьма любимъ, его слова подѣйствовали, и толпа успокоилась. Но, къ несчастію, когда онъ взошелъ опять на площадку Краснаго крыльца, князь Долгоруковъ, недавно назначенный въ стрѣлецкій приказъ, обратился въ свою очередь къ народу съ крикомъ и угрозами. Раздраженные стрѣльцы бинулись наверхъ, схватили его и бросили на конья своихъ товарищей.

Не было возможности остановить вспыхнувшего мятежа: второй жертвой палъ Матвѣевъ.

какому праведнику даруетъ онъ прощеніе грѣшниковъ?

„Я вижу праведника, отвѣчаетъ ангелъ; онъ смиренъ духомъ и кротокъ сердцемъ. Непорочною долголѣтней жизни призываетъ онъ на грѣшниковъ милость Господню. Придетъ онъ въ эти самыя палаты, гдѣ соберется народъ для поруганія святой церкви и вѣры праотцевъ, и не устрашится святитель мятежной черни, а исповѣдуетъ смѣло слово Божіе *). Не устрашится онъ и грозящей ему, именемъ царя, казни, и не вступитъ его нога въ жилище, украшенное нечестивыми изображеніями идоловъ **). Но не будетъ держать на него гнѣва Царь,

*) 5 іюля 1682 года святитель Митрофанъ, епископъ Воронежскій, присутствовалъ въ Грановитой палатѣ при соборѣ, назначенномъ для рѣшенія спора съ раскольниками.

**) Живши въ Воронежѣ, Императоръ Петръ приказалъ украсить зычскими статуями дворъ и домъ, гдѣ происходили приготовленія для постройки флота. Разъ, обозрѣвая работы, Царь пригласилъ къ себѣ Митрофана, чтобы переговорить съ нимъ о какомъ-то дѣлѣ. Митрофанъ, дошедши до воротъ, увидалъ статуи и возвратился домой. Петръ послалъ за нимъ вторично: „Скажи Государю, отвѣчалъ епископъ царскому вѣслу, что я не могу при ти къ нему, пока онъ не низвергнетъ идоловъ, которые соблазняютъ народъ“. Раздраженный Петръ послалъ къ нему въ третій разъ съ приказаніемъ явиться немедленно, и въ случаѣ непослушанія грозилъ ему смертною казнью. „Моя голова въ рукахъ Государя,“ отвѣчалъ опять Митрофанъ, и по удаленіи императорскаго посла онъ приказалъ звонить ко всенощной. Петръ, услыжавъ благовѣсть и зная, что на другой день нѣтъ праздника, велѣлъ узнать, по какому случаю служатъ всенощную. Митрофанъ отвѣчалъ: „я ослушникъ царскій,

и понесетъ на раменахъ своихъ тѣло святителя до могилы *).

„А если услышитъ Богъ его молитву, говоритъ опять Букаль, познаетъ ли народъ покаяніе? увидитъ ли онъ свѣтлые дни?“

„Прогнѣваетъ онъ Бога, молвилъ ангель, и пошлетъ ему Богъ черную смерть. Но не въ слезахъ и покаяніи примутъ грѣшники кару небесную, а будетъ живой грабить мертваго, сильный обижать слабаго. Дастъ Господь народу пастыря добраго, а народъ поругается его сѣдинамъ и его святительскому сану, схватитъ его у святого алтаря, замучитъ его и убьетъ у подножія храма Пречистой Дѣвы: взгляни.“

И видитъ старикъ: усеяны улицы трупами, что во вражіе нашествіе, а народъ бѣжитъ по улицамъ. Не ломаетъ онъ шапокъ передъ святыми храмами, не поминаетъ усопшихъ молитвой, а попираетъ тру-

мѣ объявлена казнь, и я готовлюсь къ смерти“. Петръ былъ такъ тронутъ твердостью епископа, что помирился съ нимъ немедленно, а статуи приказалъ истребить.

*) Петръ Великій любилъ Митрофана. Пріѣхавши въ Воронежъ въ ноябрѣ 1703 года, онъ узналъ о его болѣзни и отиравился немедленно къ нему. Старецъ доживалъ свои послѣдніе часы. Петръ, вошедши въ его келію, заплакалъ, нагнулся къ нему и поцѣловалъ его руку. Царь до послѣдней минуты не отходилъ отъ умирающаго, закрылъ ему глаза и несъ гробъ его до могилы. „Не осталось у меня такого святого старца, сказалъ онъ послѣ похоронъ епископа, ему же буди вѣчная память“.

пы ногами и бѣжить съ топорами и вилами. Укрываются съ плачемъ въ дома дѣти и жены, а народъ все бѣжить. Онъ разбиваетъ двери высокаго храма, врывается въ него толпой, и влачитъ оттуда старца. Старецъ облаченъ въ рясу инока, сѣды его волосы и свѣтелъ взоръ. Бросилъ его народъ къ своимъ ногамъ: онъ палъ и сотворилъ крестное знаменіе. Поднялись и опустились топоры, потекла его кровь, и онъ сотворилъ крестное знаменіе; ринулась на него толпа, истязала, замучила его, а праведникъ сотворилъ крестное знаменіе, и испустилъ духъ *).

Перекрестился и Букалъ трепетной рукой. „Еще кровавая жертва, молвилъ онъ, еще грѣхъ на народъ! Безсмертный ангелъ, кто же вымолитъ за него прощеніе у Бога?“

*) Когда во время чумы поднялся бунтъ у Варварскихъ воротъ, архіерей Амвросій, жившій въ Чудовѣ, спасся въ Донской монастырь, гдѣ ждалъ всю ночь пропуска, чтобъ выѣхать изъ Москвы. Къ несчастію распространился по городу слухъ, что архіерей въ Донскомъ. Мятежники бросились туда: они приблизились къ монастырю въ ту минуту, когда Амвросій въ простой монашеской рясе собирался уже сѣсть въ повозку. Онъ спрятался на церковные хоры. Толпа обыскала напрасно храмъ и была уже готова удалиться, съ убѣжденіемъ, что Амвросій скрывается въ другомъ мѣстѣ. Но ребенокъ лѣтъ восьми увидалъ полу его рясы и указалъ на нее народу.

Мятежники, не желая *осквернить* храма, вывели несчастнаго за монастырскія ворота и умертвили его. Онъ молился до послѣдней минуты. (13 сентября 1771 г.).

„Самый тотъ мученикъ, отвѣчаетъ ангелъ, ты видѣлъ, онъ все молился, онъ молился за народъ.“

„Господень ангелъ, молвилъ старикъ, если его неповинная кровь искупить передъ Богомъ грѣхъ народа, узнаетъ ли наконецъ тотъ дивный, тотъ горемычный городъ миръ и тишину?“

„Когда минетъ ему, говоритъ ангелъ, шесть сотенъ, да шесть десятковъ, да шесть еще годовъ, увидитъ онъ нашествіе двенадцати языковъ. Слезами и кровью заплачетъ Русь отъ края до края: будетъ мать рыдать о сынѣ, молодая жена о мужѣ. Не отстоитъ народъ своей Москвы, да и врагу ее не выдастъ, а покинетъ онъ ее и обречетъ пожару: взгляни“.

И видитъ старикъ: стоитъ опустѣлый городъ, словно смерть по немъ прошла. Разлился во всѣ стороны пожаръ, что волны морскія. Не видать никого на улицахъ, не слышать живого звука, лишь огонь ходитъ по волѣ, что вѣтеръ по полю, либо хозяинъ-большакъ по дому *).

Потемнѣло въ глазахъ старика и задрожалъ его голосъ: „Гибнетъ, воскликнулъ онъ, гибнетъ дивный городъ! милосердый ангелъ, ужели не сжалятся надъ нимъ Господь? ужели нѣтъ у Москвы горячаго заступника передъ Богомъ?“

*) 1812 годъ.

Потупилъ ангель грустный взоръ и говорить: „Не видать никого; ополчился весь народъ, а праведной молитвы нѣтъ передъ Богомъ. Возстанеть ли опять Москва изъ пепла на радость Руси или доживаетъ она свой послѣдній день, того не повѣдалъ мнѣ Господь. Молись за нее, старикъ“.

Распустилъ ангель крылья, а пустынный проснулся. Горѣло въ любви его сердце и блестяли глаза въ слезахъ. Поднялъ онъ взоры къ небу и молвилъ:

„Помилуй святой городъ, Пречистая Дѣва, прими хоть мою грѣшную молитву, коли нѣтъ у него праведника передъ Богомъ. Дозволь мнѣ жить неземной жизнию, не жизнию людской, а жить хоть съ мертвецами въ сырой землѣ, хоть на днѣ морскомъ, да лишь бы не замеръ мой голосъ, лишь бы молилъ онъ вѣчно Господа за народъ православный, да за городъ, что благословилъ Онъ быть главой городовъ Русскихъ“.

Солнце взошло уже высоко на небѣ, а пустынный сидѣлъ и думалъ свою думу, потомъ взялъ онъ костыль и побрелъ въ Косино. Шедши лѣсомъ, онъ окинулъ его глазами и молвилъ:

„Скоро ли падешь ты подъ топоромъ? По тебѣ ли станеть гулять пила? Изъ твоихъ ли дубовыхъ стволовъ будетъ выстроень златоглавый городъ“? И

замирало опять его сердце, — все-то ему мерещилась Москва вѣчная, охваченная пожаромъ, и молилъ онъ опять Дѣву Пресвятую освѣтить ее своимъ покровомъ...

Дошелъ онъ до Косина, повѣдалъ священнику о своемъ снѣ и о своей молитвѣ, и говоритъ ему священникъ:

„Помолимся вмѣстѣ, сынъ мой. Сказалъ Спаситель: „гдѣ соберутся двое во имя мое, тамъ и я между ими буду“. „Станетъ опъ третій между нами, и услышитъ насъ Господь. Не для мирскихъ радостей просимъ мы долговѣчной жизни, а лишь бы дозволилъ Онъ намъ жить въ вѣчномъ бдѣніи и въ вѣчной молитвѣ о землѣ родной, да о томъ дивномъ городѣ, что явилъ тебѣ во снѣ“.

Вошли они въ церковь, и сталъ, невидимо, между ними Спаситель. Вдругъ среди божественной литургии явилась имъ на облакахъ Пречистая Дѣва. Возгорѣлись ихъ сердца при чудномъ видѣніи, и уста замолкли. Хоръ ангеловъ запѣлъ Херувимскую пѣснь, и церковь стала медленно опускаться въ землю. Залила его хрустальная волна, и съ тѣхъ поръ вѣчно раздается изъ глубины озера божественное пѣніе, вѣчно молятся праведные старцы за народъ православный, да за родимую Москву.

